

В статье рассматривается проблема применимости самого массового модернистского конструктивного принципа каркасного жилого дома в связи с народной и вернакулярной архитектурой в условиях сухих субтропиков. Стремление к радикальному удешевлению строительного производства и примеры из автомобиле- и судостроения вдохновляли архитекторов первой половины – середины XX века к освоению типа дома с несущим стальным или железобетонным каркасом и плоской кровлей, парадоксально напоминавшего уходящие вглубь тысячелетий местные типы непрофессиональной архитектуры.

Ключевые слова: ранний модернизм; вернакулярная архитектура; жилище; массовая застройка. /

The article examines the applicability of the most widespread modernist structural principle of a frame residential building in connection with folk and vernacular architecture in the conditions of dry subtropics. The desire to radically reduce the construction cost and examples from automobile and ship construction inspired architects of the first half to the middle of the 20th century to develop a type of house with a load-bearing steel or reinforced concrete frame and a flat roof, which paradoxically reminded of local types of non-professional architecture dating back thousands of years.

Keywords: early modernism; vernacular architecture; housing; mass construction.

Об универсальности условий в массовой жилой архитектуре / On the universality of conditions in large scale residential architecture

текст
Николай Васильев
Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный университет
text
Nikolai Vassiliev
National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

Статья написана в рамках проекта № 23 «Границы города в разнообразии типологии, архитектурных образах и смыслах. Исторические преобразования и новые предложения» в рамках фундаментальных и прикладных научных исследований (НИР/НИОКР) научными коллективами НИУ МГСУ (Приказ от 23.03.2023 № 258/130) / Acknowledgements: The research was carried out within the project No. 23 "The boundaries of the city in a variety of typologies, architectural images and meanings. Historical transformations and new proposals" within the fundamental and applied scientific research (R&D) by the scientific teams of the NR MGSU (Order No. 258/130 dated 23.03.2023)

Только в прошлом веке архитектура массового жилища вышла в профессиональное поле из так называемого вернакуляра; попросту говоря, в ней появился проект и архитектор. Связано это, очевидно, с несколькими факторами – как с изменением роли самого архитектора, «самоуполномоченного» в условиях взрывного роста городов и соответствующих социальных проблем, так и с урбанизацией как таковой (не только с количественным ростом городского населения, но и с качественным изменением городов, прежде всего с нормированием, появлением санитарно-гигиенических требований). И наконец, это связано с попытками, успешными далеко не сразу, индустриализации массового строительства. Урбанист А. Иванов в своей, не строго научной, а скорее научно-популярной и полемической, книге [1] вообще не рассматривает вернакулярную архитектуру индустриальной эпохи. В недавней статье [2] авторы, наоборот, рассматривают массовое жилье как инструмент и результат социальной политики, вводя обобщенные коэффициенты-критерии оценки жилья в контексте проблем снижения стоимости и доступности, оставляя таким образом вопросы архитектуры несколько за скобками. Организационная, технологическая, экономическая и политическая стороны вопроса почти полностью заслоняют собственно архитектурную проблематику.

Итак, несмотря на глобализм колониальных империй первой половины XX века, строительная отрасль оставалась отчетливо региональной еще долго после их падения – деколонизации. Чего-то универсального, сравнимого с моделью Т «Форда» или транспортником «Либерти» Генри Джона Кайзера¹, до 1960 годов не было, да и не могло, наверное, быть, несмотря на усилия по стандартизации, символом которой по всему миру, в том числе и в нашей стране, стала книга Эрнста Нойферта. В отличие от более известных коллег по Баухаусу, Нойферт не покинул Германию в середине 1930-х и продолжал научную и практическую деятельность по стандартизации, добившись определенных успехов². Альберт Шпеер пригласил его работать над стандартизацией германской промышленной архитектуры, а в период войны Аалто специально посещал его во время своего визита в Германию [3].

С Ле Корбюзье связано еще одно наблюдение: массовую жилую застройку, сформировавшуюся в течение XX века, в целом можно разделить на следующие группы (типы), различающиеся и типологически, и конструктивно. Автором, или вернее, предсказавшим один из них оказался Шарль-Эдуар Жаннере еще в 1914 году. Имеет ли смысл выделение этих групп в региональном разрезе, мы увидим.

Типы массовой жилой застройки

Итак, **первый тип** – многоквартирный дом. Это тип, выросший из доходных домов буржуазии, где все одноуровневые пространственные решения были отработаны к 1910 годам (относительно многоуровневой компоновки см. [4]), а технологии возведения оттачивались до конца 1950-х – в отечественном контексте до появления Единого каталога строительных деталей.

Региональное распределение этого типа очень обширно и ограничивается разве что невозможностью (и необходимостью) массового его применения в экстремальных условиях Антарктиды – во всех остальных ландшафтах этот «кинзавивный вид» встречается. Социальное измерение рациональности тут выглядит интереснее и объемнее: с одной стороны, маленькая своя квартира остается мечтой человека, переезжающего в большой город или мегаполис, с другой – слишком она универсальна, экономична и потому в очень небольшой степени адаптивна. Города же относительно близкие к традиционному укладу, со свойственными ему большими семьями (а чаще всего и находящиеся в жарком климате), требовалось застраивать квартирами большими – и для нескольких поколений сразу, и для обеспечения сквозного проветривания (нормы инсоляции пришли с развитого Севера и совсем не универсальны для Юга).

Компоновка квартиры³ в целом к началу XX века при кирпичном строительстве стала двухчастной: параллельно фасаду шла капитальная стена, на которую опирался конек скатной кровли, к уличному фасаду были приурочены парадные жилые помещения, к дворовому – черные лестницы, кухни, ванные, комнаты прислуги и т. п. Только с развитием монолитного железобетона в 1930-е и сборного панельного домостроения к 1960-м такой принцип отошел в прошлое. Социальная же

сторона вопроса с 1920 годов требовала большего числа квартир на секцию, и в социальном жилье положение внутренней несущей стены стало просто определяться особенностями планировки: по ее сторону оказывались разные квартиры (потерявшие таким образом сквозное проветривание).

Второй тип, гораздо более древний, голубая мечта еще римских граждан, – индивидуальный дом (domus). И в Риме в века его величия их были считанные сотни и первые тысячи – на миллион населения эпохи Принципата, и населяла каждый расширенная семья – рабы, вольноотпущенники, бедные родственники, а не только сам глава семейства с женой и детьми. Собственный участок был совсем уже за пределами роскоши, но дворик-атрий, а с позднереспубликанского времени и перистиль, был обязательным. Это, конечно, как и очаг, и домашний алтарь, имело сакральное значение, но еще и климатическое. Весь пояс сухих субтропиков Евразии показывает более-менее сходный тип дома с внутренним двором – от домуса до китайского сяхюаня⁴, где дом строился из кирпича и камня, обязательно имел деревянный каркас, в первую очередь из-за сейсмической опасности; но именно Рим показывает нам его как культурный архетип, почти недостижимую мечту городского жителя.

Выход был найден, но уже в XX веке. Если к началу его многие буржуа и аристократы переезжают в новые квартиры доходных домов, ввиду и транспортной доступности, и наличия новой инфраструктуры – канализации, водоснабжения, центрального отопления и электричества, то после начала автомобилизации они первыми же сбегают обратно – в особняки и коттеджи. В британской и североамериканской архитектуре, а благодаря Голливуду и повсеместно, отдельный дом, позволяющий представителю среднего класса чувствовать себя почти буржуа, стал тем самым домусом – архетипом. Здесь тоже не обошлось без войны, точнее льготной ипотеки демобилизованным после 1945 года, – проблемы послевоенного восстановления на том континенте не существовало. Ставшие нарицательными «люиттауны» – поселки одно- и двухэтажных быстровозводимых домов «с двумя спальнями и лужайкой для барбекю» – многократно усилили расползание городов (urban sprawl) из-за очевидно кратной меньшей плотности застройки и непрекращающейся автомобилизации. Считать ли субурбию полноценным городом – вопрос открытый, но скорее и не городом, и не деревней. Сельским хозяйством там по определению никто не занимается – ни в смысле огородов, ни в смысле обработки полей, ни в смысле хранения сельхозинвентаря и урожая. Городская же жизнь – с пешей доступностью учреждений образования, культуры, торговли или муниципальной власти – тоже отчуждена автомобилем. Мечта о городе-саде оказалась на практике не городом и не садом, оставаясь в наше время идеалом «своего дома» для очень многих. Вслед за небоскребами «даунтауна» Дубай – витрина западного капитализма на Востоке – обзавелся (в XXI уже веке) и такими коттеджными выселками, полностью имитирующими американскую субурбию (с поправкой на искусственное орошение каждого клочка зелени и, соответственно, еще большую зависимость от инфраструктуры).

Есть еще один тип – односемейные блокированные дома. Этот тип застройки получил развитие в конце XIX века в промышленных районах Франции, Бельгии, Нидерландов и Англии – от Лиона и Льежа до Ливерпуля. Сделать такие же, но по-модернистски чистые и аккуратные, пытался Эрнст Май в «Новом Франкфурте». После Второй мировой войны этот тип постепенно вымер – и ввиду репутации рабочего жилища, и ввиду замены его модернистским социальным жильем корбюзинского толка, и ввиду очевидной неспособности палисадника

«полтора на полтора» играть роль настоящей зелени и «своей земли».

Третий же вариант – жилье коллективное – можно рассмотреть не только с позиции частичного обобществления быта, но и относительно пространственных компоновок его жилых ячеек и связи этой компоновки с типами жилья индивидуального. Обобществление быта в модернистской архитектуре тема не новая, взглянем лучше на нее под другим углом: какой тип массового жилища вообще лучше к ней приспособлен и каковы «места его обитания»? Тип многоэтажного галерейного дома, вроде южноиндийских вади, испанских и латиноамериканских «конвентийо» и им подобных, способствует своей структурой замкнутого двора жизни – публичной ее части (включая часто и прием пищи, и ремесло) – совместной. Знаменитая «уличная жизнь» южных городов происходит не только на собственно площадях, но и во дворах, обладающих визуальной, психологической и климатической замкнутостью. Такой дом, в пределе – дом-квартал с одним общим двором-садом, не всегда заселялся членами одной общности, будь то этническая группа мигрантов в город/страну или представители одной профессии, но, несомненно, это случалось часто. Открытый и невысокий (чтобы было видно двор и чтобы в условиях сейсмической опасности было дешево строить), балкон-галерея служит не только коммуникацией между жилыми ячейками, но и их продолжением – альковом при «гостиной» всего пространства двора. Возможно это, конечно, только там, где позволяет изотерма – в Европе южнее Альп, в Средиземноморье, субтропическом и тропическом поясах. Для модернистской⁵ архитектуры в период ее бурного развития и «героической» эпохи это глубокая периферия, мир колониальный и модернизируемый, где «ячейка общества» – коллектив больше буржуазной семьи – явление, безусловно, архаичное. Символом модерна служит односемейная квартирка, рабочее место под крышей, а к концу XX века и с кондиционером: кондиционер и телевизор выступили убийцами коллективного времяпрепровождения, дворовой жизни как таковой.

И наконец, **четвертый тип**, который гениально предсказал швейцарец Жаннере еще за несколько лет до рождения его псевдонима. Назван он был «Дом-ино», и «домус», и «костяшка домино с шестью точками». Конечно, пять отправных точек современной архитектуры вырастут из концепта «Дом-ино», однако они там не запрограммированы, просто наиболее вероятны при последовательном воплощении. «Дом-ино» – это конструктивная схема, единица, подобная китайской «дзьянь» (там базой был пролет и четыре колонны), – тут Корбюзье предлагает шесть столбов и две железобетонные плиты между ними. Именно связанная жестко при помощи арматуры пространственная ячейка становится базовой единицей, качественной отличной от традиционных конструктивных систем (бетон — это искусственный камень, но по своим свойствам ячейка «Дом-ино» больше похожа на деревянную постройку). С известной долей допущения можно считать, что ячейка связанных столбами плит может быть повернута как угодно в пространстве, так что перекрытия станут стенами или окажутся под углом к земной поверхности и т. п.

В пределе – ячейки модульных домов-утопий вроде башни Накагин К. Кикутакэ или Хабитат-67 М. Сафди – это такие же «двойные» ячейки со стенами, полами и потолками, сделанными одинаково (разница внешних и внутренних межкомнатных несущих панелей в индустриальном домостроении – тема для отдельного разговора). Однако в массовой архитектуре второй половины XX века ячейка «Дом-ино» стала поистине универсальной основой домов, возводимых в субтропической зоне вроде Ближнего Востока, Магриба, да и по всему земному шару. Ключевая особенность тут, конечно, необходимость минимального, но железобетона, сравнительная сейсмоу-

¹ Того самого, что Ле Корбюзье называет в «Модуторе» своим другом и что был другом Ф. Д. Рузвельта. Получив карт-бланш на постройку десятков эскортных авианосцев и 2751 единицу транспортных кораблей во время Второй мировой войны, Кайзер организовал одно из самых масштабных производств в истории, положившись во многом на тотальное упрощение проектирования и, главное, на сборки и конструкции.

² Что не помешало, впрочем, изданию его книги в странах будущей Антигитлеровской коалиции, в том числе и в СССР.

³ Можно предположить, что структура сельской усадьбы – хоть бы и избы-пятистенка, при ней дровника, хлева, сарая, бани... – органичнее превращается в индивидуальную квартиру, однако ни уменьшение размера семей, ни исчезновение работы на дому в городе XX века не делают такую логико-пространственную трансформацию возможной массово.

⁴ В Китае, впрочем, главные империи, хоть и охватывали своим влиянием субтропическую зону, базировались на севере, в бассейне Хуанхэ, где располагались столицы (в том числе и Пекин сейчас). Такие дома там сохранились и по сей день в составе традиционных районов-хуанунов. В конце 1940-х их было подавляющее количество в застройке города.

⁵ О влиянии климатических факторов на генезис формотворческих концепций раннемодернисткой архитектуры см. доклад автора [5].

^ Растущая вверх жилия вернакулярная каркасная застройка Каира, туристические смотровые площадки и пирамида Хуфу. Фото Н. Васильева. 2023

^ И. А. Голосов. Жилой комплекс Стройгаза, Нижний Новгород. 1935–1938. Фото Н. Васильева. 2015

стойчивость – лучше, чем у народной каменной и саманной архитектуры, и, может быть, главное – возможность строить дом постепенно, добавляя не только легкие внешние стены и перегородки, но иногда и целые этажи через годы после заселения дома. Конечно, известны случаи надстройки многоэтажных домов с несущими кирпичными стенами, одним-двумя этажами, что было распространено и в СССР в 1930-е и 1940-е (тем более что можно надстраивать этажи и мансарды, используя современные стальные конструкции), тем не менее «народная» вернакулярная достройка дома до появления дома-ино была лишь уделом традиционного плотницкого ремесла. Отточное мастерами-модернистами в проектах вилл умение свободно планировать помещения и компоновать фасады, кажется, почти не пригодилось в вернакуляре – если мы говорим об эстетике или вообще в архитектурных проектных категориях, тем не менее четыре, шесть, восемь и так далее столбов дома-ино позволили очень многим уйти от диктата типовых квартир, получив и большие гостиные, и лоджии, и какое угодно количество спален, независимо от размера стеновой панели, расположения внутренних несущих стен или шага перекрытий.

Как и в случае экспериментальных строек раннего модернизма, вроде дома-коммуны Текстильного института в Москве (1929–1931, архитектор И. Николаев), использование дорогостоящего каркаса требует экономии в других частях постройки (сама возможность строительства по частям также следует из этой логики) – использования деревянной обшивки, легкого и дешевого утеплителя камышита, засыпки пустот кирпичной кладки шлаком и т. п.

Превращения дома-ино в виллу Савуа или Фарнсворт-хаус, кажется, очень далеки от практики вернакуляра, и дело не только и не столько в стоимости, задачах строительства и снобистской эстетической позиции архитекторов и заказчиков, сколько в необходимости жизни в «народных» домах. Жизнь требует приватности – изоляции личного пространства, жизнь требует расстановки мебели, тепловой инерции, а легкие материалы несущих стен не могут ее обеспечить ввиду низкой теплоемкости – именно поэтому, не стекло, но саман, дикий камень, дешевый кирпич или газобетонный блок

будет наполнением стен дома-ино в сотнях тысячах его инкарнаций. Есть еще и солнцезащита – именно благодаря ей вынос бетонного перекрытия будет и поддерживать парапет балкона, и давать тень нижнему этажу.

Региональное деление применительно к практике строительства жилища, таким образом, имеет несколько измерений: кроме очевидно климатического, это и возможности строительства, и динамика миграций в города, и повседневные практики собственно жизни – быта и семейного уклада. Не просто массовое, но вернакулярное жилище выступает самым наглядным маркером сложившейся региональности: в развитых странах вернакуляр возможен разве только в сельских нежилых постройках – нормы и правила за прошлый век превратили города в царство стандартов, экспертиз и документов. Страны же называемые развивающимися, с постоянным ростом населения, внутренними и внешними миграциями, несмотря на катастрофические издержки в моменты цунами и землетрясений, сохраняют изрядную долю практики строительства в «серой зоне» вернакуляра. Вернакуляр давно не равен народной традиции, так же как песни, что поют на провинциальных застольях, не равны традиции фольклорной, такой, какой ее зафиксировали этнографы в начале или середине XX века. Однако многое все-таки поддается пусть не количественному учету, но хотя бы наблюдению. Особенно интересны устойчивые формы, воспроизводимые в разных строительных материалах, но сохраняющие общие черты и даже сделанные в логике стилизации. Для юга-запада США и Мексики характерны дома в стиле «пуэбло» – своеобразной стилизации народной архитектуры еще доколумбовых индейцев. В сравнении с типичным для восточных штатов стилем «викторианского коттеджа» – обшито досками деревянного каркаса – пуэбло предполагает несущие стены, из кирпича, бетонных блоков или самана, плоские кровли, более распластанные планы и силуэты. Несмотря на некоторые технологии удешевления, в основе остается региональный материал, обеспечивающий не только характерные формы, но и теплоизоляцию и тепловую инерцию.

Тут мы возвращаемся к модели ограничений в массовой архитектуре: ключевыми факторами в региональном аспекте будут подходы к наличию несущей стены

или каркаса, необходимости защиты от солнца или обогрева... Дальше тут можно сформулировать достаточное количество параметров-оппозиций или точек ветвления [6], но что если добавить тут шкалу времени, не столько линейно-поступательного, сколько временного отношения – идеи, проекта, строительства и заселения. Окажется (и это важнейшее свойство), начало строительства и какая-то точка после него (начало использования) хоть и лежат на одной «временной линии», но не охватывают весь «жизненный цикл» дома.

Жизненный цикл только начинается в том месте, где архитектор сдает проект, а чиновник подписывает акт ввода в эксплуатацию (или должен был это сделать). Тут кончается *проархитектура*, и начинается *постархитектура*. Открытия в этом нет, однако рассмотрение, даже беглое, вернакулярных региональных домов едва ли возможно без учета долгого периода достроек и перестроек, адаптаций к новым условиям вроде смены поколений, изменения состава семьи и т. п. А далекие от теории практики, далекие даже от архитектуры и строительства как проектной деятельности, наоборот, видят свой дом в этом ракурсе.

В проектной же деятельности постархитектуру жилья с совершенно разных позиций сейчас рассматривают К. Кияненко [7], Е. Релина и С. Малахов с соавторами [8]. Обратим внимание еще на статью, написанную в 2005 году [9], где авторы начинают с аргументов против гибкости и адаптивности в архитектуре жилища! Аргументы авторов просты: приспособляемая архитектура пуста и несет «фальшивую нейтральность». Что это означает? Да прежде всего то, что адаптивность заключается в отказе архитектора проектировать собственно жилое пространство, его процессы и устройство, сдавая по окончании работ лишь максимально пустой объем «коробки». Тут есть в известной степени социальное высокомерие: жилец должен «мочь» себе позволить нанять дизайнера интерьера или того же архитектора, конкретно для своей жилой единицы. Если же позволить такого он себе не может, то это не проблемы архитектора. Более того, здесь мы вообще вынужденно оказываемся на перепутье – приспособляется ли человек к условиям или условия требуют изменений под человека? Вопрос вечный и философский, в краткой хрестоматии по теории архитектуры издательства SAGE некоторые авторы [10] выделяют вернакулярную архитектуру как *образ инога*, занимающего особую роль в наборе оппозиций, где на виду всегда профессия, современность, технология... а в тени – аутентичное, народное и вернакулярное.

Справедливо ли такое изгнание? Безусловно, нет, несправедливо, однако спонтанные градостроительные и архитектурные практики «архитектуры без архитекторов» вот уже более полувека маргинализированы и так или иначе вытеснены на периферию собственно архитектурной мысли. К примеру, автор основополагающей книги «Как здания учатся» [11] вообще далек от архитектурной практики и по первому образованию биолог, а по роду деятельности писатель и редактор. Исключением, ставшим давно классикой (в том числе благодаря предложенным методам исследования), но поначалу принятой в штыки, были, конечно, «Уроки Лас-Вегаса» [12]. Книга пережила множество переизданий на 18 языках, но в общем была воспринята больше в части объяснения формообразования, названного впоследствии (не без протестов Роберта Вентури, лидера тройки авторов книги) постмодернистским. Примечательно также, уже в современном контексте, что первое издание было названо самим издателем «слишком монументальным для текста, восхваляющего уродливое и ординарное над героическим монументальным». Таким образом, вспомнив и исходную среду возникновения слова «вернакуляр», величие даже Пушкина было бы невозможно без обращения его к народному языку няни Арины

Радионовны. Так же профессионалы, даже встроенные в систему «звездной архитектуры», необходимо обращаются к непрофессиональному и народному, зачастую отчуждая его от первоначального контекста, в который оно непременно вернется, как вернулся «Дом-ино» через полвека бытования вне родных сухих субтропиков.

Художественные аспекты

Отдельной темой стоит здесь основание художественной выразительности и формообразования ранне-модернистской архитектуры, в том числе и в советской практике. Каркас как «честное» выразительное средство, выражающее тектонику реальной конструкции, характерен как для ранних конструктивистских проектов, так и для практики крупных мастеров Запада вроде Огюста Перре (и в ранних его проектах 1910-х, и в самых поздних, таких как послевоенная реконструкция Гавра). Между двумя волнами массовой жилой архитектуры с каркасом (часто имитационным) как выразительным средством помещается практика 1930–1940 годов; в контексте и ар-деко, и советской неоклассики в массовом строительстве (и тем более в уникальных проектах) ребра и пилястры фасадов балансируют на грани постконструктивистской тектоники фасада-решетки и привычной по ренессансным памятникам раскреповки ордера на фасаде (это хорошо видно по «серии» домов «с арками» Ильи Голосова, выстроенных его мастерской в Москве и Горьком в середине – второй половине 1930-х).

Превращение беспредметной геометрии поэтажных членений в профилированную композицию фасада с убывающими членениями Альберти, нарочито крупный руст, фон для ордерных портиков и ниш произошло не одновременно, а в течение примерно десятилетия. Лишь в послевоенных проектах и до внедрения внешне заметных индустриальных методов лопатки, пилястры, ордер на фасаде вообще служит декорацией, а не выражением каркаса. Обратный процесс займет меньше времени – в СССР в условиях директивного отказа от излишеств, однако в ранних проектах, реализованных, к примеру, на Новопесчаной улице (архитекторы М. В. Посохин, В. П. Лагутенко) или улице Маршала Бирюзова (Н. А. Остерман и Специальное архитектурно-конструкторское бюро) в Москве, хорошо заметна эстетическая роль швов и блоков как визуальных профилированных членений, а не только как конструктивных элементов. Определенная эстетизация монтажных швов в сетке фасада вообще проявится, очевидно, чуть позднее в модернистских постройках, относимых традиционно к брутализму. Каркас же в фасадных решениях массового строительства останется, таким образом, лишь далеким воспоминанием (несмотря на некоторое возрождение собственно монолитной конструктивной схемы в постсоветские годы). Логика же городского образа жизни, в отличие от традиционной архитектуры теплых регионов, не позволила освоить новый каркас как выразительное средство в отрыве от необязательно несущей, но оторванной стены, как она существовала многие столетия.

Заключение

В качестве выводов можно сформулировать следующее. Во-первых, вернакулярные практики в строительстве массового городского жилища являются не только маркером неразвитости строительной индустрии как таковой, но и в меньшей степени следствием недоработок вышеупомянутой строительной промышленности. Особенно в сфере адаптации строительства к нуждам жильцов, включая и пространственно-типологический аспект, и собственно строительный – возможность возведения/доставки своими руками и в несколько этапов.

Во-вторых, даже в условиях постсоветских городов, с их, как правило, развитой строительной промышленностью, лишь в очень редких случаях можно наблюдать

⁶ Под городским мы понимаем в данном случае жилище, полностью или в большей степени лишенное помещений для сельскохозяйственной деятельности.

⁷ Наиболее заметный тип традиционного китайского дома, помимо составляющих *хутуны* домов *сэжюань* в Пекине и *лилонгов* в Шанхае, *фудзяньский* круглый дом *тулоу* вполне воспроизводится в современной строительной практике, в местах расселения народности *хакка* на юге Китая.

действительное разнообразие типологии, а не маркетинговое разделение на ниши и сегменты недвижимости, различающиеся лишь количественными показателями. К. Кияненко отмечал еще в статье без малого двадцатилетней давности: «Во-первых, происходит постепенное вытеснение социально-нормативных моделей как фундамента типологических классификаций, их замещение в этой роли социально-потребительскими. Во-вторых, дифференцируются типобразующие признаки. Примером этого является переход от социально-демографической типологии жилища к типологии по образу жизни населяющих его домохозяйств, к типологии «моделей соучастия» в демократической архитектуре...» [13]. Историческая дистанция со времени написания этих строк позволяет сделать вывод о неизменной актуальности высказанных положений; за прошедшее время массовое многоэтажное жилище, возводимое в городах нашей страны, так и не привело к желаемым результатам: «...во всем мире растет интерес к «универсальному», «адаптируемому», «динамическому», «всевозрастному», «поливалентному» жилищу, которое позволит не увеличивать, а уменьшать степень дифференцированности типологии жилищ и при этом повышать их «социальную адресность»» [13].

Все это оказалось принесенным в жертву вводу в строй миллионов квадратных метров, сотен тысяч жилых единиц и реализации так называемых программ комплексного развития территорий, где комплексность предполагает лишь обеспечение минимальной социально-бытовой инфраструктурой и благоустройство, но практически полностью исключает адаптацию собственно архитектуры под социальные, культурные, климатические, региональные и прочие представления жильцов, общества в целом и местных сообществ в частности.

Касаясь собственно технологической стороны, можно сказать, что развитие и относительное удешевление монолитного железобетонного строительства привело к еще большей унификации планировочных и объемных решений, что, напомним, было одним из основных предметов критики крупносерийного домостроения. В наиболее массовых сегментах рынка сложно найти что-либо, отличное от одно- или двухсекционного дома на прямоугольном пятне застройки. Об использовании местных материалов – камня, дерева – вообще речи не идет. Таким образом, массовое жилье становится глобальным, оторванным от каких-либо местных традиций и условий, за исключением разве невидимых снаружи особенностей вроде количества утеплителя фасадов или сечений арматуры. Исключения, конечно, есть, – как правило в случае проектирования в исторической среде, будь то центр Санкт-Петербурга или Пекина, с воспроизведением (регенерацией) городской ткани и типологии доходного дома или одноэтажного *хутуна*⁷ соответственно. Поиски национальной идентичности в архитектуре, становящиеся время от времени предметом конкурсов и концептуальных выставок, нацелены же, обыкновенно, на проекты общественных зданий или жилья совсем других, далеких от массовых сегментов рынка, а то и частных домов на закрытых территориях.

Литература

- Иванов, А. В. Архитектура без архитектора. Вернакулярные районы городов мира. – Москва : Слово, 2023. – 320 с.
 - Столбоушкин, А. Ю., Шевелев, В. С. Рациональные планировочные параметры социально ориентированного жилья // Жилищное строительство. – 2023. – № 1–2. – С. 3–12. – DOI: 10.31659/0044-4472-2023-1-2-3-12
 - Vossoughian, N. Alvar Aalto, Ernst Neufert, and Architectural Standardization in Germany and Finland, 1933–45 // The Journal of the Society of Architectural Historians. – 2020. – N 79 (2). – P. 202–212. – DOI:10.1525/jsah.2020.79.2.202
 - Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Архитектура дома Наркомфина вчера и сегодня. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2023. – 260 с.
 - Vassiliev, N. Environment as a challenge. A style changes in mid-century modern architecture through climatic factors // Комплексные проблемы в городском планировании: дизайн и исследования : сборник материалов по результатам проведения международного круглого стола. – Москва : Изд-во РГУ им. А. Н. Косыгина, 2019. – С. 12–15.
 - Васильев, Н. Ю. Массовая архитектура и ограничения // Проект Байкал. – 2022. – № 73. – С. 108–122. – DOI: 10.51461/pb.73.20
 - Кияненко, К. В. «Биография жилища» как концепт постархитектуры // Жилищные стратегии. – 2020. – № 7 (3). – С. 245–268.
 - Малахов, С. А., Репина, Е. А., Вейерс, О., Шимман, Й. и др. Самарский двор. – Екатеринбург : Tatlin, 2020. – 448 с.
 - Schneider, T., Till, J. Flexible housing: opportunities // Architectural Research Quarterly. – 2005. – N 9 (2). – P. 157–166.
 - Brown, R., Maudlin, D. Concepts of Vernacular Architecture // Handbook of Architectural Theory. – London : SAGE Publications Ltd, 2012. – P. 340–355.
 - Brand, S. How Buildings Learn: What Happens After They're Built. – New York : Viking Press, 1994. – 243 p.
 - Venturi, R., Scott Brown, D., Izenour, S. Learning from Las Vegas. – Cambridge : MIT Press, 1972.
 - Кияненко, К. В. Типология жилища: от проектной регламентации к стимулированию многообразия // Жилищное строительство. – 2005. – № 7. – С. 2–6.
- #### References
- Brand, S. (1994). *How Buildings Learn: What Happens After They're Built*. New York: Viking Press,
- Brown, R., & Maudlin, D. (2012). Concepts of Vernacular Architecture. In *The SAGE Handbook of Architectural Theory* (pp. 340-355). London: SAGE Publications Ltd.
- Ivanov, A. V. (2023). *Arhitektura bez arhitekтора. Vernakuljarnye rajony gorodov mira [Architecture Without Architects. Vernacular Districts in the Cities of the World]*. Moscow: Slovo.
- Kiyankenko, K. V. (2005). Tipologija zhilishha: ot proektnoj reglamentacii k stimulirovaniju mnogoobrazija [The Housing Typology: From Design Regulation to Stimulation of Diversity]. *Housing Construction*, 7, 2-6.
- Kiyankenko, K. V. (2020). "Biografija zhilishha" kak koncept postarhitektury [Housing biography as a post-architecture concept]. *Zhilishhnye strategii*, 7, 245-268.
- Malahov, S., Repina, E., Schiemann, J., & Weyers, O. (2020). *The Samarsky Yard*. Ekaterinburg: Tatlin.
- Schneider, T., & Till, J. (2005). Flexible housing: opportunities. *Architectural Research Quarterly*, 9(2), 157-166.
- Stolboushkin, A. Yu., & Shevelev, V. S. (2023). Rational planning parameters of socially-oriented housing. *Housing Construction*, 1–2, 3–12. <https://doi.org/10.31659/0044-4472-2023-1-2-3-12>
- Vassiliev, N. (2019). Environment as a challenge. A style changes in mid-century modern architecture through climatic factors. *Proceedings of the Conference "Complex problems in urban planning: design and research: A collection of materials based on the results of the international round table"* (pp. 12-15). Moscow: Publishing House of the Russian State University named after A. N. Kosygin.
- Vassiliev, N. (2022). Mass architecture and limitations. *Project Baikal*, 19(73), 108–112. <https://doi.org/10.51461/pb.73.20>
- Vassiliev, N. Yu., & Ovsyannikova, E. B. (2023). *Arhitektura Doma Narkomfina vchera i segodnia [Architecture of the House of the People's Commissariat of Finance yesterday and today]*. Moscow: "Garage" Publ.
- Venturi, R., Scott Brown, D., & Izenour, S. (1972). *Learning from Las Vegas*. Cambridge: MIT Press.
- Vossoughian, N. (2020, June). Alvar Aalto, Ernst Neufert, and Architectural Standardization in Germany and Finland, 1933–45. *The Journal of the Society of Architectural Historians*, 79(2), 202-212. DOI:10.1525/jsah.2020.79.2.202